

ПОЧТИ НАСТОЯЩЕЕ море разбегалось от самого горизонта и, сложившись в крупные складки, летело и падало на маленький Сухум, на последний сухой пятачок фотографического салона.

Черный бархат за аппаратом резко вспучивался. Появлялась маленькая возмущенная рука. А затем и весь старый грек Эвкарпиди. По его команде море, в который раз ударившись о ту сторону холста, смиренно укладывалось у ног нарисованными волнами.

— Мальчику! — восклицал он возбужденно. — Мальчика! Для чего у вас мальчик все время моргает?! О! Вы не дадите покоя моим честным сединам... Вы кто у нас? Кто?! Бравый генерал? Да? Вы зачем опять застегнулись?.. Вы — учитель... Так! Хорошо! Снимаю!..

Он умел запечатлеть, старый мастер Эвкарпиди. Он мог мучить часами, укрощая роскошные нарисованные волны, легко разбрасывая и складывая вновь буфаторские крепостные камни. А снимок получался один. Единственный и неповторимый. Такой, какой получился и в тот раз. Молодая чета с маленьким сыном Георгием. Юная дама, почти девочка, с удивленными глазами — мать. Крепкий, уверенный в себе мужчина — отец. Темные усы. Белый светлый китель. Учи-

Мы сидим у круглого стола, подаренного отцом. В уютной гостиной, где каждый предмет напоминает об отце. Где каждая, даже самая малая вещица напоминает Абхазию. Георгий Дмитриевич заметно волнуется. Как же... Как же он до сих пор не догадался поискать этого Прохорова?!

Георгий Дмитриевич достает очки. Надевает. И мы быстро перелистываем энциклопедию. Самый свежий том... А вдруг?

Нет... Не столь милосердна память, чтобы сразу, в одночасье, открывать свои похоронки.

Пусть. Зато есть твердое знание: не пропал, не растворился в небитии человек, пока хоть один из нас его ищет. Покуда хоть один из нас держит его в своей памяти. Как знать, какую еще, может быть, встречу подарит эта пожелтевшая фотография?

...Старый Эвкарпиди, верно, знал, чем одолевает время. Он знал, что время, как и волны моря, одолевает не стремительный щелчок сложной машинки. А напряжение. Грубо — физическое напряжение нашей души. Один край которой там. В ушедшем. Другой — в нас: чтобы не забылись. Чтобы не забыли.

...И упадут в бессилии волны за плетеной стеною апацхи. Вот только отложат гости в сторону вилки и ножи. И двинется дальше, вперед мужская беседа. И, быть может, зазвучит, поднимется над старой деревней Агудзерой еще более старая абхазская или русская песня... Георгий Гулиа, Баграт Шинкуба, Александр Твардовский, Константин Симонов. Тринадцать лет фотографии. Вскоре, через год, не стало Твардовского. Позже — Симонова. Тринадцать лет бьются волны о ту сторону плетеной стены. Но крепкие люди, видать, те мастера, что делали эти стены. Ремеслом крепкие. И памятью крепкие.

Ведь и в этой, московской, квартире все, как в старой апацхе: прочно. Здесь помнят тех, кто рядом, и тех, кто ушел.

Кажется, именно в тот приезд Валентина Григорьевна, жена Георгия Дмитриевича, и укоряла Симонова, всплескивая руками:

— Константин Михайлович! Ведь он так быстро ездит... А вы... Вы ему, конечно, не запрещали?

— Ну как можно? Чтобы Георгий меня за труса посчитал?! — сердился Константин Михайлович. — Но я честно скажу... Я старался как мог!.. Я открывал тихонько дверь — и башмаком, башмаком тормозил... Видите?

И показывал свой каблук, отвалившийся, всего вероятнее, на каменной дорожке перед домом.

И все, не выдержав, смеялись...

...Перебирая рисунки и снимки. А вот этот мальчик? Когда? И кто автор? Двадцать первый год. Георгию Гулиа всего восемь. Почему у мольберта? Потому что рисовал. И сейчас рисует. «Юный абхазский художник» — так и назвала этот свой рисунок учительница Георгия — хороший скульптор и человек Ольга Викторовна Лышева.

Осталась ли о ней иная память? Да. Осталась. Маленький художник вырос. И стал писателем. И рассказал о своей учительнице в своих рассказах. Те, кто знал ее, говорят: уроки не пропали даром. Хороший получился портрет — учительница была бы, наверное, довольна...

А. АФАНАСЬЕВ.

Фото ЭВКАРПИДИ и

Е. ХАЛДЕЯ.

Снимки публикуются впервые.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В АГУДЗЕРУ

ИЗ СЕМЕЙНОГО
АЛЬБОМА

тель. Будущий народный поэт Абхазии.

— На долгую память, дорогой! Чтобы помнили тебя твои праправнуки!

Они умели запечатлеть не спеша, старые сухумские фотографии... Эвкарпиди. Чуть позже — Козлов. Еще позже — Аврутин. Может, потому и сами запомнились?

Четыре года спустя, в восемнадцатом, одернув прежний учительский китель и дождавшись, когда темная волна вознесет утлый катер над деревянной сухумской пристанью, будущий народный поэт Абхазии Дмитрий Гулиа спрыгнет на родную землю. Спрыгнет и, как будто

ни в чем не бывало, поймает фазтон, по узким темным улочкам Сухума доберется до своего домика.

Мелкие. Совсем мелкие детали... Он подарит сыновьям игрушечную пушку и мяч. Они убегают с подарками. А он вздохнет и повесит китель.

Китель? Деталь? Да, от этой детали заисцело, жить или не жить... Позже сын Георгий, писатель Георгий Гулиа, расскажет про все это смешно и немного грустно в своей книжке об отце, напечатанной в серии «ЖЗЛ». Напишет позже... А тогда, той ночью, было им смотреть на этот китель нудно как невесело.

...Дмитрий Гулиа пробивался с товарищами к Екатеринодару. За хлебом. Для родного Сухума. Хлеб был наконец найден. Отправлен домой. А на одной из станций учителя Гулиа приняли за... белого генерала.

Китель? Да, он и ввел в заблуждение.

Станция Темрюк. День. Ночь. Ночь. День. Знают ли его в Екатеринодаре, могут ли подтвердить, что он и есть учитель Гулиа? Но кто мог узнать его в незнакомом городе?

Однако неисповедимы пути человеческой памяти. Нашелся! Знакомый. Почти случайный: два-три разговора накануне в гостинице в Екатеринодаре, тогда еще занятом белыми. Два-три слова («Белые никогда не смогут победить! Это разложившаяся армия!»).

Два-три слова, сказанные Дмитрием спокойно и убежденно незнакомому человеку. Некому неизвестному Прохорову.

— О том, что вы учитель Гулиа, может сказать большевик Прохоров?!

Прохорова. Сможет. Подтвердил... С той минуты они и стали друзьями. Но ненадолго. Дмитрий Гулиа вернулся в Сухуми. И они потерялись друг для друга навсегда.

Старинные семейные легенды будоражат наши души незавершенностью. Как могло стать, если бы... Куда делись, где искать тех людей, что, одарив однажды своим теплом, исчезают совсем из пределов нашего жизненного пространства?

